

«Савва Морозов – предприниматель и меценат»

План

Введение.....	3
Внук и сын.....	4
Личная жизнь.....	5
Талантливый предприниматель.....	8
Филантроп и меценат.....	9
Последние годы.....	15
Заключение.....	17
Список использованной литературы.....	18

*« В Морозове чувствуется
сила не только денег.
От него миллионами пахнет .
Это русский делец
с непомерной
нравственной силищей»
Н.Рокшин
московский журналист*

Введение

Савва Тимофеевич Морозов принадлежит к числу необычных, удивительных людей, достойных памяти народа. Его деятельность протекала в бурное, сложное, неоднозначное время: рушились старые авторитеты, архаичные представления, взгляды; все новое неумолимо врвалось в повседневную жизнь.

Родившийся и выросший в консервативной купеческой среде, он во многом преодолел религиозные и корпоративные предрассудки, смог понять или почувствовать насущные задачи общественного развития.

Савва Тимофеевич в течение ряда лет был во главе Никольской мануфактуры и хорошо знал фабрично-заводское дело. Кроме того, он много занимался и промышленно-общественной деятельностью. Он был человеком разносторонним и многим интересовался, сыграл большую роль в жизни Художественного театра. До сих пор в Орехово-Зуево стоят здания, построенные Саввой Морозовым - 1 Городская больница, здание Зимнего театра. В здании бывшего Дома призрения много лет располагается биохимический факультет Орехово-Зуевского педагогического института, стоят фабричные корпуса, рабочие казармы и знаменитые Морозовские бани. Орехово-Зуевский Бизнес-колледж носит имя С.Т.Морозова.

Сын и внук

Савва Тимофеевич, родившийся 3 февраля 1862 года, внук Саввы Морозова - основателя текстильной промышленности Орехово-Зуева, стал наиболее известным представителем клана Морозовых.

Семья Морозовых была старообрядческая и очень богатая. Особняк в Большом Трехсвятительском переулке имел зимнюю оранжерею и огромный сад с беседками и цветниками.

Будущий капиталист и вольнодумец воспитывался в духе религиозного аскетизма, в исключительной строгости. В семейной молельне ежедневно служили священники из Рогожской старообрядческой общины.

Чрезвычайно набожная хозяйка дома, Мария Федоровна, всегда была окружена приживалками. Любой ее каприз был законом для домочадцев.

По субботам в доме меняли нательное белье. Братьям, старшему Савве и младшему Сергею, выдавалась только одна чистая рубаша, которая обычно доставалась Сереже - маминому любимчику. Савве приходилось донашивать ту, что снимал с себя брат. Более чем странно для богатейшей купеческой семьи, но это было не единственное чудачество хозяйки. Занимая двухэтажный особняк в 20 комнат, она не пользовалась электрическим освещением, считая его бесовской силой. По этой же причине не читала газет и журналов, чуралась литературы, театра, музыки. Боясь простудиться, не мылась в ванне, предпочитая пользоваться одеколонами. И при этом держала домашних в кулаке так, что они ничего не смели без ее дозволения.

Тем не менее, перемены неумолимо вторгались в эту прочно устоявшуюся старообрядческую жизнь. В морозовской семье уже были гувернантки и гувернеры, детей - четверых сыновей и четырех дочерей - обучали светским манерам, музыке, иностранным языкам. Применялись при этом веками испытанные "формы воспитания" - за плохие успехи в учебе юную купеческую поросль нещадно драли.

Савва не отличался особым послушанием. По его собственным словам, еще в гимназии он научился курить и не верить в Бога. Характер у него был отцовский: решения принимал быстро и навсегда.

. Впервые родители проявили к нему интерес, когда Савва был уже подростком: домашние учителя объявили Тимофею Савичу и Марии Федоровне, что больше ничему Савву научить не могут - мальчик проявляет недюжинные способности к точным наукам и нуждается в серьезном образовании.

По окончании в 1881 году гимназии Савва поступил на физико-математический факультет Московского университета, а, прослушав курс, в 1885 году уехал в Англию. В Кембридже Савва Тимофеевич успешно и глубоко изучал химию, собирался защищать здесь диссертацию, но необходимость возглавить семейное дело заставила его вернуться в Россию. В 1887-м, после морозовской стачки и болезни отца, вынужден был вернуться в Россию и принять управление делами. Было Савве тогда 25 лет.

Талантливый предприниматель

7 января 1885 года на Никольской мануфактуре разразилась забастовка рабочих, позднее описанная во всех отечественных учебниках истории как "Морозовская стачка". Длилась она две недели. Кстати, это было первое организованное выступление рабочих. Когда судили зачинщиков волнений, Тимофея Морозова вызвали в суд свидетелем. Зал был переполнен, атмосфера накалена до предела. Гнев публики вызвали не подсудимые, а хозяин фабрики.

Савва Тимофеевич вспоминал тот суд: "В бинокли на него смотрят, как в цирке. Кричат: "Изверг! Кровосос!". Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете - и затылком об пол, как нарочно перед самой скамьей подсудимых. Такой в зале поднялся глум, что председателю пришлось прервать заседание.

После суда Тимофей Савич месяц пролежал в горячке и встал с постели совсем другим человеком - состарившимся, озлобившимся. О фабрике и слышать не хотел: "Продать ее, а деньги - в банк". И только железная воля его жены спасла мануфактуру от продажи. Производственные дела Тимофей Морозов отказался вести напрочь: переписал имущество на жену, так как старший сын, по его разумению, был молод и горяч.

По инициативе матери Саввы Тимофеевича - Марии Федоровны, из родственников было создано паевое товарищество, техническим директором которого и стал 25-летний талантливый инженер Савва Тимофеевич Морозов, с удовольствием взявшийся за управление мануфактурой.

Вплоть до 1918 года Никольская мануфактура была паевым предприятием. Главным и основным пайщиком мануфактуры была мать Саввы Мария Федоровна: ей принадлежало 90% паев.

В делах производственных Савва не мог не зависеть от матери. По сути, он был совладельцем-управляющим, а не полноправным хозяином. У многих рабочих Савва Морозов, в отличие от своего отца и матери, пользовался доверием. Забастовав, рабочие потребовали 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты, но он им отказал, так как не мог принимать подобные решения.

Но "Савва Второй" не был бы сыном своих родителей, не унаследуй он от них неумную энергию и большую волю. Сам о себе говорил: "Если кто станет на моей дороге, перейду и не сморгну".

- Пришлось мне попотеть, - вспоминал потом Савва Тимофеевич. - Оборудование на фабрике допотопное, топлива нет, а тут конкуренция, кризис. Надо было все дело на ходу перестраивать.

Он выписал из Англии новейшее оборудование. Отец был категорически против - дорого, но Савва переломил отставшего от жизни папеньку. Старик претили нововведения сына, но в конце концов он сдался: на мануфактуре были отменены штрафы, изменены расценки, построены новые бараки,

здание больницы, Дом призрения, Летний и Зимний театры.. Тимофей Савич топал на сына ногами и ругал его социалистом.

- А в добрые минуты, совсем уж старенький - гладит меня, бывало, по голове и приговаривал: "Эх, Саввушка, сломаешь ты себе шею"- вспоминал Савва Тимофеевич.

Один из инженеров Никольской мануфактуры рассказывал о С. Т. Морозове: "Возбужденный, суетливый, он бегал вприпрыжку с этажа на этаж, пробовал прочность пряжи, засовывал руку в самую гущу шестеренок и вынимал ее оттуда невредимой, учил подростков, как надо присучивать оборванную нитку, он знал здесь каждый винтик, каждое движение рычагов. Но рядом с превосходными, украшавшими "торгово-промышленный класс" качествами существовали хитрость и изворотливость, без которых нельзя было обойтись в российской действительности. К этому вынуждали административный нажим, запреты и бесчинства бюрократии.

Дела в Товариществе шли блестяще. Никольская мануфактура занимала третье место в России по рентабельности. Морозовские изделия вытесняли английские ткани даже в Персии и Китае. В конце 1890-х годов на фабриках было занято 13,5 тысяч человек, здесь ежегодно производилось около 440 тысяч пудов пряжи, почти два миллиона метров ткани.

Втайне Мария Федоровна гордилась сыном - Бог не обделил его ни умом, ни хозяйской сметкой. Хотя и сердилась, когда Савва распорядился сначала по-своему, как считал нужным, и лишь затем подходил: "Вот, мол, маменька, разрешите доложить..."

Как представитель одной из крупнейших отечественных фирм С. Т. Морозов пользовался влиянием в предпринимательских кругах, ряд лет возглавлял Ярмарочный комитет на крупнейшем российском "торжище" - в Новгороде. Именно его в 1896 г. выдвинуло купечество для приветствия и поднесения хлеба-соли на Всероссийской промышленной выставке государю-императору.

Получал он и знаки "монаршей милости": ему было присвоено звание мануфактур-советника, он состоял членом "высочайше утверждаемого" Московского отделения Совета торговли и мануфактур. Брался Морозов и за новые дела: основал, например, крупное химическое акционерное общество "С. Т. Морозов, Крель и Отгман", зарегистрированное в Германии, но владевшее предприятием в России и специализировавшееся на производстве красителей ("Я ведь специалист по краскам"- говорил он).

Личная жизнь

Помимо своих производственных побед, Савва одержал одну скандальную победу на любовном фронте. В Москве он наделал много шума, влюбившись в жену своего двоюродного племянника Сергея Викуловича Морозова - Зинаиду. Она происходила из купеческого рода Зиминых, и ее отец, богородский купец второй гильдии Григорий Зимин, был родом из Зуева.

В России развод не одобрялся ни светской, ни церковной властью. А для старообрядцев, к которым принадлежали Морозовы, это было не просто дурно - немислимо. Савва пошел на чудовищный скандал и семейный позор - свадьба состоялась.

Зинаида Григорьевна обожала роскошь и упивалась светскими успехами. Муж исполнял все её прихоти.

Газеты подробно комментировали помпезное открытие нового морозовского особняка (Москва, Спиридоновка,5 – сейчас это Дом приёмов МИД) который сразу же окрестили "московским чудом". Дом необычного стиля - сочетание готических и мавританских элементов, спаянных пластикой модерна - сразу же стал столичной достопримечательностью.

По отношению к себе Савва Морозов был крайне неприхотлив, даже скуп - дома ходил в стоптанных туфлях, на улице мог появиться в

заплатанных ботинках. Кабинет и спальня хозяина напоминали жилище холостяка.

Личные апартаменты Зинаиды Григорьевны были обставлены роскошно: спальня "Ампир" из карельской березы с бронзой, мраморные стены, мебель, покрытая голубым штофом. Апартаменты напоминали магазин посуды, количество севрского фарфора пугало: из фарфора были сделаны даже рамы зеркал, на туалетном столике стояли фарфоровые вазы, по стенам и на кронштейнах висели крохотные фарфоровые фигурки.

В пику его непритязательности, мадам Морозова старалась иметь только "самое-самое": если туалеты, то самые немислимые, если курорты, то самые модные и дорогие.

Доходило до курьеза. На открытии Нижегородской ярмарки Савва Тимофеевич, как председатель ярмарочного биржевого комитета, принимал императорскую семью. В ходе торжественной церемонии ему высказали замечание, что шлейф платья его жены длиннее, чем у венценосной особы.

Постепенно чувства супругов остыли и переросли в равнодушие, а потом и в совершенное отчуждение. Они жили в одном доме, но практически не общались. Не спасли этот брак даже четверо детей.

Филантроп и меценат

Прожив недолгую жизнь, Морозов оставил о себе память как щедрый филантроп. Он помогал и отдельным лицам, и различным учреждениям, организациям. Пожертвования иногда были весьма значительными: несколько десятков тысяч рублей - на строительство родильного приюта при Староекатерининской больнице, 10 тыс. рублей - "на дело призрения душевнобольных в Москве".

Фабричные заведения Товарищества Никольской мануфактуры "Саввы Морозова сын и Ко" были расположены в то время во Владимирской губернии. Обязательное постановление губернского по фабричным делам

присутствия, принятое лишь 20 ноября 1893 г., гласило: "Все фабрики и заводы обязаны оказывать своим рабочим бесплатно как первоначальную, так и дальнейшую госпитальную врачебную помощь: или при своих больницах, или же за неимением оных в городских или сельских земских больницах". В последнем случае фабриканты за содержание своих больных платили земству. Постановление определяло разряды фабрик и руководствовалось соотношением числа коек к числу рабочих, принятым за норму законом 1866 г. (1:100)⁷.

В 1873 г. главная Никольская больница переехала в новое благоустроенное двухэтажное помещение, прослужившее вплоть до XX в., в начале которого развернулось строительство очередного полностью кирпичного и еще более вместительного здания. В конце XIX в. наблюдается постоянное техническое совершенствование фабричных медицинских учреждений и их расширение.

В 90-х гг. XIX в. в Никольской больнице число коек увеличилось до 160, появились два приемных покоя, детское отделение, операционная комната. Долгое время заразные больные помещались в отдельные домики, но в 1899 г. для них было приспособлено здание бывшей богадельни, в которой разместили 30 кроватей. Уже в начале 80-х гг. XIX в. Никольская больница имела не только ваннные комнаты, дезинфекционную камеру, но и теплые промывные ватерклозеты. Увеличился и медицинский персонал, который насчитывал три врача, одного провизора, одного аптекарского помощника, десять фельдшеров, две акушерки и 36 чел. медицинской прислуги. В это время на всех фабриках Товарищества Никольской мануфактуры работало 16,7 тыс. рабочих, включая надомников¹⁰. Иными словами, к концу столетия Морозовы достигли очень высокого показателя по числу коек - 1:67,3. В это же время на крупнейших фабриках Владимирской и Московской губерний число рабочих, приходящихся на одну больничную кровать, соответственно равнялось - 71 и 82 чел.¹¹ Обратим внимание на то, что Морозовы достигли такого показателя в те годы, когда во Владимирской губернии только еще

вступило в действие постановление, обязывающее предпринимателей предоставлять рабочим бесплатную медицинскую помощь.

В 1906 г. закончилось начатое С.Т.Морозовым строительство главного корпуса Никольской больницы по проекту архитектора А.А.Галецкого¹². Она была уже рассчитана на 300 коек, имела два хирургических и два терапевтических отделения, рентгеновский, гидро- и электротерапевтические кабинеты, гинекологическое и родильное отделения, а также амбулаторию и аптеку. Здание было спланировано рационально, с максимальными удобствами для врачей и пациентов. Великолепное санитарно-техническое оснащение Никольской больницы не оставит равнодушным даже медицинского работника конца XX столетия. Механическая прачечная с паровой дезинфекционной камерой, пароводяное отопление, приточно-вытяжная вентиляция, биологический фильтр для очистки сточных вод стоимостью более 20,2 тыс. рублей - вот тот неполный перечень сложного инженерного оборудования первоклассного европейского уровня.

Недаром современники считали Никольскую больницу чудом санитарной техники и архитектуры, которой едва ли найдется равная "по величине и по характеру замысла и исполнения". Долгие годы ее возглавлял интеллигентный человек и самоотверженный врач, которого очень любил и высоко ценил С.Т.Морозов - А.П.Базилевич.

В начале XX в. Товарищество Никольской мануфактуры располагало 4 больницами (общие число кроватей 350), две из которых имели родовспомогательные отделения, одним приемным покоем для оказания первой помощи проживавшим на вольных квартирах, сыпным отделением для заразных больных, расположенном в особом здании. В 1913 г. у Морозовых работало 14768 рабочих, следовательно, в очередной раз был улучшен показатель, свидетельствующий об обеспеченности фабричного населения больничными койками (1:42,1).

Ведя строгий счет каждому целковому, Савва не скупился на тысячные расходы ради хорошего, по его мнению, дела. Он давал деньги на издание книг, жертвовал Красному кресту, но его главный подвиг - финансирование МХАТа. Только строительство здания театра в Камергерском переулке обошлось Морозову в 300 тысяч рублей.

. Для создания нового театра, цели и задачи которого значительно отличались от существовавших в то время, требовались крупные средства, которых у инициаторов не было. Начался поиск меценатов. Городская дума на просьбу о субсидии не откликнулась. Немирович-Данченко, который вел административно-финансовую часть нового театра, решил обратиться за помощью к предпринимателям, состоявшим директорами- попечителями Филармонического общества. В их числе были крупные капиталисты: директор Егорьевской бумагопрядильной фабрики, Норской мануфактуры и Северного страхового общества Д. Р. Востряков, владелец фабрики металлических пуговиц и фирмы по изготовлению музыкальных инструментов К. А. Гутхейль, московский миллионер-виноторговец К. К. Ушков и другие. Сравнительно небольшие денежные взносы позволяли этим дельцам на концертах "занимать места в первых рядах" и "перед всей Москвой щеголять своим меценатством". Ушков обещал 4 тысячи, остальные - и того меньше; требовалась более солидная поддержка, ведь театр мыслился как "общедоступный", с очень умеренными ценами на билеты.

Лишь в конце 1897 г. или начале 1898 г., когда Станиславский и Немирович-Данченко обратились к Морозову, он сразу же внес 10 тыс. руб., поставив лишь одно условие: театр не должен иметь никакого "высочайшего покровительства". Театр он любил страстно, постоянно посещал спектакли в Москве, Петербурге Нижнем Новгороде, куда летом, на время ярмарки, съезжались театральные труппы со всей России. Сохранились свидетельства, что Савва Тимофеевич оказывал и раньше поддержку театральным начинаниям.

В марте 1898 г. возникает "Товарищество для учреждения в Москве "Общедоступного театра", в состав которого вошли Савва Тимофеевич и Сергей Тимофеевич Морозовы. После первых спектаклей, из которых лишь "Царь Федор Иоаннович" имел сдержанный успех, выяснилось, что денег катастрофически не хватает, дефицит составил 46 тыс. рублей.

На помощь опять пришел С. Т. Морозов, преданный и бескорыстный друг театра. В феврале 1900 г. Станиславский писал Немировичу-Данченко: "Не сомневаюсь в том, что такого помощника и деятеля баловница судьба посылает раз в жизни... такого именно человека я жду с самого начала моей театральной деятельности". И подчеркивал далее, что в порядочность Морозова, в отличие от других меценатов, "слепо верит". Для ликвидации дефицита и финансового оздоровления театра Савва Тимофеевич предложил "долг погасить и паевой взнос дублировать", что было и сделано.

В первый год существования Художественного театра Морозов потратил на него около 60 тыс. рублей; постепенно его пожертвования стали для театра важнейшим источником средств. Однако в то время он старался сохранить коллективную форму финансирования, убеждал других предпринимателей вносить деньги, хотя их сравнительно небольшие взносы существенной роли не играли.

Увлечение театром говорит о высоких культурных запросах Морозова. Осенью 1900 г. Горький писал Чехову: "Когда я вижу Морозова за кулисами театра, в пыли и трепете за успех пьесы - я ему готов простить все его фабрики, - в чем он впрочем не нуждается, - я его люблю, ибо он бескорыстно любит искусство, что я почти осязаю в его мужицкой, купеческой, стяжательной душе". Имея в виду Художественный театр, Морозов признавал, что "этот театр сыграет решающую роль в развитии сценического искусства".

Постепенно Художественный театр завоевал признание, встал на собственные ноги, и тогда Морозов разрабатывает план создания паевого товарищества, с участием ведущих актеров, руководителей театра и

некоторых других близких театру лиц; большинству привлеченных, включая и Станиславского, он открывал кредит. Его взнос составил в итоге 15 тыс. рублей. Большое значение инициатор организации товарищества придавал привлечению Чехова, которому послал письмо и проект устава. Он писал: "Переговорив с Владимиром Ивановичем и Ольгой Леопольдовной, я решил обратиться к Вам, не войдете ли Вы в состав товарищества, которое будет держать театр". Предложение было принято, и писатель решил внести 10 тыс. рублей. Как свидетельствует О. Л. Книппер, узнав об этом, "Савва так и прыгал от восторга". Показательно, что в число пайщиков он не ввел ни одного "любителя искусств" из предпринимателей.

Товарищество создавалось на три года, в течение которых Морозов брал на себя все финансовые заботы, освобождая руководителей труппы от изматывающих хлопот, позволяя им сосредоточиться на творческом процессе. Однако с такими усилиями достигнутый театром успех и та роль, которую играл здесь Морозов, не находили понимания в литературно-театральных кругах. Между тем Савва Морозов затеял перестройку здания. Шехтель согласился бесплатно подготовить проект и руководить строительными работами. Реконструкция началась в апреле 1902 г. 25 октября в новом здании с залом на 1300 мест состоялся первый спектакль. Морозов наблюдал за стройкой, лично вникал во все детали, часто даже ночевал в маленькой комнатке рядом с конторой, хотя его "палаццо" находилось совсем недалеко. Он сам пилил, красил, забивал, даже разработал особую технику световых сценических эффектов. За границей были закуплены многие новейшие технические приспособления для сцены и усовершенствованное электрическое оборудование. Строительство обошлось С. Т. Морозову в 300 тыс. рублей, общие же его расходы на Художественный театр приближались к полмиллиону. Весной 1904 г. он сложил с себя звание председателя правления товарищества и отошел от прямого участия в делах этого театра, но свой паевой взнос оставил. С признательностью Станиславский писал, что Морозов не только поддержал театр материально,

но и встал в ряды его деятелей, не боясь самой трудной, неблагодарной и черной работы.

. Много добрых слов о щедром меценате содержится в воспоминаниях Станиславского, который счел своим долгом почтить память Морозова на торжественном заседании, посвященном 30-летию МХАТ, в октябре 1928 г.

Морозов не только щедро жертвовал деньги - он сформулировал основные принципы деятельности театра: сохранять статус общедоступного, не повышать цены на билеты и играть пьесы, имеющие общественный интерес.

Последние годы

...Было уже начало 1905 года. Разгоралась революция. На Никольской мануфактуре вспыхнула забастовка. Чтобы договориться с рабочими, Морозов потребовал у матери доверенности на ведение дел. Но она, возмущенная его желанием договориться с рабочими, категорически отказалась и сама настояла на удалении сына от дел. А когда он попытался возразить, прикрикнула: " И слушать не хочу! Сам не уйдешь – заставим».

Круг одиночества неумолимо сжимался. Морозов остался в совершенной изоляции. Талантливый, умный, сильный, богатый человек не мог найти, на что опереться.

Савва впал в жестокую депрессию. По Москве и поползли слухи о его безумии. Савва Тимофеевич начал избегать людей, много времени проводил в полном уединении, не желая никого видеть. Его жена бдительно следила, чтобы к нему никто не приходил, и изымала поступавшую на его имя корреспонденцию.

По настоянию жены и матери был созван консилиум, который поставил диагноз: тяжелое нервное расстройство, выразившееся в чрезмерном

возбуждении, беспокойстве, бессоннице, приступах тоски. Врачи рекомендовали направить "больного" для лечения за границу.

В сопровождении жены Савва Тимофеевич уехал в Канн. Здесь, в мае 1905 года, на берегу Средиземного моря, в номере "Ройяль-отеля", 44-летний ситцевый магнат застрелился. Говорили, что накануне ничто не предвещало трагической развязки - Савва собирался в казино и был в нормальном расположении духа.

Большая часть состояния Морозова отошла его жене, которая незадолго до революции продала акции мануфактуры.

"Неугомонный Савва" не сразу нашел покой даже после смерти. Согласно христианским канонам самоубийцу нельзя хоронить по церковным обрядам. Морозовский клан, используя деньги и связи, начал добиваться разрешения на похороны в России. Властям были представлены путаные и довольно разноречивые свидетельства врачей о том, что смерть была результатом "внезапно наступившего аффекта", поэтому ее нельзя рассматривать как обычное самоубийство. В конце концов разрешение было получено. Тело привезли в Москву в закрытом металлическом гробу. На Рогожском кладбище были организованы пышные похороны, а затем поминальный обед на 900 персон.

В память об ушедшем сыне Мария Федоровна Морозова вместе с сыном Сергеем и дочерью Юлией выделила средства на строительство двух корпусов Старо-Екатерининской больницы, корпуса для нервных больных на 60 кроватей и корпуса родильного дома на 74 кровати (оба сохранились на территории МОНИКИ, бывшая Старо-Екатерининская больница).

Свой вклад в память о муже внесла и вдова Зинаида Григорьевна Морозова, которая построила в Пресненской части Москвы дом дешевых квартир им. Саввы Морозова, затратив на него 70 тыс. руб.

Заключение

Савва Тимофеевич Морозов принадлежит к числу необычных, удивительных людей, достойных памяти народа. Его деятельность протекала в бурное, сложное, неоднозначное время: рушились старые авторитеты, архаичные представления, взгляды; все новое неумолимо врвалось в повседневную жизнь. Родившийся и выросший в консервативной купеческой среде, он во многом преодолел религиозные и корпоративные предрассудки, смог понять или почувствовать насущные задачи общественного развития.

Многими своими поступками, жизненными идеалами он высоко поднялся над остальными. Но противоречивость, взрывчатость натуры фабриканта привели к личной катастрофе. Отечественные предприниматели были чрезвычайно трудолюбивы. Даже главы крупных династий, сказочно богатые, много и упорно работали - это было в крови русского делового человека.

Таких неоднозначных, богато одаренных личностей немало встречалось среди российских предпринимателей. Однако большинство фабрикантов и торговых деятелей были заняты упорной повседневной работой, тем самым способствуя развитию отечественной промышленности.

К концу XIX в. в России была создана сильная национальная промышленность. Постепенно страна вышла на пятое место в мире по темпам промышленного производства. Страна уверенно шла по пути индустриального развития, благодаря таким людям как Савва Тимофеевич Морозов.

Список использованной литературы

1. Барышников М.Н. История делового мира России. М.: АО 'Аспект-Пресс', 1994.
2. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989.
1. Бурьшкин П. Москва купеческая. М.: Современник, 1991.
2. История предпринимательства в России. От средневековья до середины XIX века. М.: РОССПЭН, 2000. Кн.1.
3. История предпринимательства в России. Вторая половина XIX - начало XX века. М.: РОСПЭН, 2000. Кн.2.
4. С.Т. Морозов Дед умер молодым: М.: Советский писатель; 1988 г.
5. Поткина И.В. Социальная политика Морозовых: Никольская мануфактура (60-е гг. XIX - начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2002.
6. .Предпринимательство и предприниматели в России от истоков до начала XX века. М.: РОСПЭН, 1997.
7. Сущенко В.А. История российского предпринимательства. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997.
8. 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. О Платонов М: - Современник, 1995.
9. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М.: Приор, 1998.